

DOI 10.15826/qr.2017.1.221

УДК 94(100)"1914/19"+327(470:44)

**РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ВОЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ:
ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН (1916–1917)***

Владимир Бабинцев

Юлия Галкина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE REORGANISATION OF THE FRENCH
MILITARY COMMISSION IN RUSSIA:
IN ANTICIPATION OF CHANGE (1916–1917)****

Vladimir Babintsev,

Yulia Galkina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the evolution of the French Military Commission in Russia during the First World War. Initially consisting of peacetime structures (the office of the military attaché and his aide), in 1916 the French Military Commission became a strongly centralised and multipurpose military mission whose structure was later borrowed by other Allied nations. The authors use the term 'mission' extensively in the article: its meaning depends on the specific task or duty assigned to a person or group of people and on the extent to which the group was institutionalised. As a result, the term may be understood in two different ways

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

** *Citation:* Babintsev, V., Galkina, Yu. (2017). The Reorganisation of the French Military Commission in Russia: In Anticipation of Change (1916–1917). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221.

Цитирование: Babintsev V., Galkina Yu. The Reorganisation of the French Military Commission in Russia: In Anticipation of Change (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221 / Бабинцев В., Галкина Ю. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221

mission as an organisation abroad, including personnel or mission as a business trip, a temporary assignment given to an envoy. In this paper, the term 'mission' is applied to all the forms of the French Military Commission in Russia, whose personnel considerably increased during the war as it shifted into a centralised multifunctional military mission. The need to establish effective interaction among the members of the Entente and the growing number of issues the French military attaché in Russia had to deal with conditioned the transformation of French military representation. The project was initiated by Commander-in-Chief Joseph Joffre. Joffre based his decisions on the reports of Major Langlois, who visited Russia eight times between February 1915 and February 1917. Joffre managed to turn the small and rather ineffective mission, distrusted by Russian generals, into a centralised military mission. General Maurice Janin was appointed head of the new commission, and it was under his leadership that it became the centre of coordination for French military activities in Russia.

Keywords: French Military Mission; Russian-French relations; First World War; coalition strategy; Joseph Joffre.

Рассматривается эволюция института французского военного представительства в России в годы Первой мировой войны. Изначально воплощенное в структурах мирного времени (военным атташе и его помощником), французское военное представительство в 1916 г. приобрело характер централизованной многоцелевой военной миссии, модель которой была впоследствии применена в других союзных странах. Авторы неоднократно обращаются к термину «миссия», смысл которого варьируется в зависимости от круга задач, выполняемых определенной группой лиц, и степени ее институционализации. В настоящем исследовании этот термин применяется ко всем формам французского военного представительства, количественно умножившегося в ходе войны и в 1916 г. подчиненного новой модели централизованной многоцелевой военной миссии Франции в России. Показано, что необходимость организации эффективного коалиционного взаимодействия между странами Согласия, а также все возрастающее количество задач, встававших перед французским военным атташе в России, обусловили трансформацию всего военного представительства Франции. Инициатором этого проекта стал главнокомандующий Жозеф Жоффр. Опираясь на рекомендации офицера связи майора Ланглуа, посещавшего Россию в общей сложности восемь раз (с февраля 1915 по февраль 1917 г.), Жоффру удалось превратить малоэффективную и малочисленную миссию, сотрудники которой не снискали особого доверия в среде русского генералитета, в централизованный аппарат военного представительства в России. Главой обновленной миссии стал генерал Морис Жанен, под руководством которого она стала центром притяжения и координации деятельности французских военных на территории России.

Ключевые слова: Первая мировая война; французская военная миссия; русско-французские отношения; коалиционная стратегия; Жозеф Жоффр.

В начале Первой мировой войны (1914–1915) французское военное представительство в странах-союзниках в большинстве случаев продолжало функционировать в рамках дипломатической традиции мирного времени: взаимодействие стран Соглашения осуществлялось через аппарат военных атташе при посольствах Франции. Однако в конфликте нового типа традиционный формат военного и дипломатического представительства проявил свою недостаточность. Впервые это стало очевидным в Сербии, которая запросила у Франции помощи в борьбе с австро-венгерскими мониторами, угрожавшими Белграду. Ответом стала отправка в Сербию 25 октября 1914 г. отряда артиллеристов, получивших название *Mission D*¹ [*Mission navale française de Serbie*, p. 163].

Россия и Сербия, разумеется, были несопоставимы, хотя масштабы войны, оказавшиеся неожиданными для всех воюющих сторон, предъявляли качественно новые требования и к уровню франко-русского сотрудничества.

К началу войны французское военное представительство в России было организовано следующим образом: при Генеральном штабе Российской империи находились военный атташе Франции, дивизионный генерал маркиз Пьер де Лагиш (1859–1940) и его помощник майор Верлен [SHD/T. 7 N 1547]. Подобное *status quo* было поставлено под сомнение нарастанием экономических проблем Российской империи, столкнувшейся в начале 1915 г. со «снарядным голодом» и вынужденной искать помощи у Франции. Задачи, стоявшие перед французской миссией, неуклонно возрастали – отныне она не только играла роль связующего органа между двумя верховными главнокомандованиями воюющих держав, не просто содействовала поставке вооружения и боеприпасов, но становилась ответственной за экспорт технологических инноваций и координацию деятельности растущего французского военного и технического персонала на территории России².

Кроме того, страны Соглашения осознали необходимость налаживания более эффективного коалиционного взаимодействия, и военные миссии Франции в странах-союзниках сделались неотъемлемой частью этого механизма. Главнокомандующий Ж. Жоффр (1852–1931) отмечал:

Aucune d'elles³ n'avait pris en temps de paix les mesures propres à préparer et à assumer la direction des affaires d'une coalition, et toute la première partie de la guerre fut lourdement hypothéquée par ce manque absolu d'organisation [Mémoires, p. 95]⁴.

¹ Можно сказать, что с этого момента начала оформляться специфика французских военных миссий как инструмента предоставления союзникам недостающих им технических средств борьбы.

² Например, в январе 1915 г. в Россию отправилась артиллерийская миссия майора Пио, в кратчайшие сроки наладившая производство взрывчатки и снарядов и серьезно перестроившая систему и логику российской военной промышленности.

³ Имеются в виду державы-союзницы.

⁴ «Ни одна из держав не приняла в мирное время мер, способных подготовить и взять на себя руководство действиями коалиции, и вся первая фаза войны была осложнена недостатком организации» (здесь и далее перевод текстов документов принадлежит авторам статьи).

В июне 1915 г. он представил в Военное министерство проект централизованного «управления войной» под эгидой французского Генштаба. Согласно проекту, предполагалось выделить каждой союзной страной аккредитованного генерала, детально осведомленного о положении своей армии [Mémoires, p. 95]. В пространстве коалиционной войны Россия вместе с Сербией и Италией мыслились Жоффром как единое целое Восточного фронта, направленного против центральных держав [Doughty, p. 154]. Более того, французский главнокомандующий полагал, что эффективный прорыв возможен именно на Восточном фронте, в связи с чем придавал особенное значение своевременному материально-техническому обеспечению России и восстановлению ее армии для грядущего наступления [Ibid., p. 251–252]. Забегая вперед, отметим, что коалиционное взаимодействие, по словам Жоффра, удалось наладить в начале 1916 г. исключительно благодаря «доброй воле главнокомандующих союзных стран», которые поддержали эту инициативу при отсутствии какого-либо формального межсоюзнического соглашения [Mémoires, p. 160].

Генерал Жозеф Жоффр
General Joseph Joffre

Необходимость повышения эффективности коалиционного сотрудничества требовала иного уровня доверия между Генеральными штабами Франции и России и оперативного обмена значимой информацией. По выражению секретаря министерства иностранных дел Абеля Ферри, военный атташе генерал Лагиш был «салонным офицером», чьи донесения не отличались четкостью и ясностью (цит. по: [Павлов, с. 34]). Чтобы исправить положение, в декабре 1915 г. в Петроград был направлен второй дивизионный генерал Поль По (1848–1932). Впервые он появился в России в феврале 1915 г. с целью «сбора сведений и документов» «для уточнения материального и морального состояния войск», очевидно, в расчете на успех начавшейся Дарданелльской операции [SHD/T. 7 N 1548], а в декабре того же года вступил в должность главы французской военной миссии в России [Mémoires, p. 177]⁵. Де Лагиш продолжил работать в качестве его помощника. Впрочем, будущий глава французской военной миссии генерал М. Жанен (1862–1946) относит утверждение По в качестве своего предшественника к осени 1915 г., попутно замечая, что еще в 1911 г. тот отказался от должности начальника Генштаба Франции, сославшись на возраст. Расхождения в датировке назначения генерала По главой миссии представляются вполне объяснимыми: вероятнее всего, генерал приступил к исполнению обязанностей осенью 1915 г., а формальное утверждение состоялось уже зимой.

Тем не менее, объяснять назначение генерала По только лишь «нечеткими донесениями» Лагиша было бы некорректно. Требовался во-

⁵ Помимо России, Поль По посетил также Италию, Сербию и Румынию.

начальник, чья репутация в глазах русской Ставки не подлежала бы сомнению. Жоффри полагал, что фигура генерала По идеальна для поста главы французского представительства в России:

En ce qui concerne le général Pau, on avait pu espérer que le prestige qui entourait cette belle figure de soldat serait utile au resserrement des liens entre les deux états-majors [Mémoires, p. 178]⁶.

Дополнительным аргументом в пользу отзыва де Лагиша может служить замечание генерала Жанена в предисловии к своему русскому дневнику о том, что Лагиша преследовала негативная репутация германофила [Janin, p. 34].

В историографии Первой мировой войны поиски формата коалиционного взаимодействия, отвечающего вызовам времени, наиболее полно исследованы на примере англо-французского сотрудничества [Greenhalgh]. Английский опыт продемонстрировал, что одним из способов преодоления трений в лагере союзников является деятельность офицера связи в военном и дипломатическом поле. Историк Элизабет Гринэлг определяет офицера связи как «глаза, уши и рот своего командования», который обязан поддерживать контакты и вести переговоры в разных сферах военной иерархии в целях обеспечения взаимопонимания и достижения единства целей и действий [Ibid., p. 75]. Это особенно актуально в условиях, когда стороны принадлежат к разным языковым и культурным традициям, что усиливает риск возникновения конфликтов [Ibid.].

Генерал Морис Жанен
General Maurice Janin

В начале 1915 г. в качестве офицера связи в Россию был командирован бывший глава русской секции Генштаба Франции майор Жак Ланглуа (1874–1934) [Le général Langlois...]. В общей сложности он совершил восемь визитов в Россию с февраля 1915 по февраль 1917 г. Каждая поездка сопровождалась детальным рапортом, содержащим аналитические сведения по самому разному кругу вопросов: общественное мнение в России, настроения в правительстве и царской семье, отношение русских к французам (и шире – к союзникам по Антанте), материальное и моральное состояние русской армии. В первых рапортах майор Ланглуа концентрировал внимание на недостатках

⁶ «Что касается генерала По, можно было надеяться, что престиж, окружавший эту фигуру прекрасного солдата, будет полезным для укрепления связей между двумя штабами».

организации службы офицера связи, настаивая на пересмотре некоторых ее оснований. Главным образом предполагалось принять меры по усилению безопасности и секретности миссии офицера связи, а также повышению степени его осведомленности о планах Генерального Штаба и руководства Франции [SHD/T. 7 N 1547].

Четыре командировки в Россию обеспечили более широкую постановку вопроса: в начале 1916 г. в своем пятом рапорте Ланглуа сформулировал детальный проект реорганизации французского военного представительства в России с целью усиления эффективности его работы и обозначил ряд проблем в организации военной миссии Франции⁷.

Первоочередной была проблема связи с русской Ставкой. Ланглуа пришел к выводу, что одного представителя (дивизионного генерала) с помощником будет вполне достаточно: в его ведении будут находиться вопросы оперативного характера, и подчиняться он будет Военному министерству Франции. Вторым человеком во французской миссии должен был стать подполковник или полковник, подчиненный послу в качестве военного атташе и главе военной миссии – в вопросах военной службы. Под началом военного атташе должны были находиться все локальные французские миссии (военные и технические) на территории России [Ibid.]. Это устанавливало четкую субординацию в руководстве и исключало спекуляции на различиях в форме подачи информации. Ланглуа писал:

Etant donné le faible travail à faire au Grand Quartier Général, il semble que la présence de deux Généraux de division y soit superflue. Elle peut, d'autre part, présenter des inconvénients, soit qu'elle mette l'un d'eux dans une position d'adjoint, qui risque de l'abaisser au rang du major Italien ou du capitaine Anglaise, soit qu'elle ait pour résultat possible, même si nos deux Représentants expriment toujours les mêmes idées, mais en termes différents, de permettre d'opposer les déclarations de l'un à celles de l'autre, et d'ôter ainsi aux deux toute autorité réelle [Ibid.]⁸.

Рекомендации Ланглуа также предусматривали направление в штабы русских фронтов французских офицеров с целью «лучшей осведомленности о состоянии армии», а также для сбора и отправки во Францию разведанных [Ibid.].

⁷ В отечественной историографии опыт реорганизации французского представительства не получил должного осмысления: в единственной работе, посвященной этому вопросу, французская миссия рассматривается не как системное единство, но как совокупность множества локальных миссий [Павлов].

⁸ «Если учесть ту незначительную работу, которую надо выполнять в Генштабе, кажется, что присутствие там двух дивизионных генералов было бы излишеством. Оно может создать неудобства, когда ставит одного из них в положение помощника, в котором генерал рискует понизить свой статус до ранга итальянского майора или английского капитана, а также когда возможным результатом станет то, что выражение одних и тех же идей обоими представителями, осуществленное в разных формах, позволит противопоставить мнения одного мнениям другого и таким образом лишить их реального авторитета».

Существенной проблемой в условиях «снарядного голода» стало отсутствие единого центра, который бы принимал русские запросы на боеприпасы и вооружение. Ранее такого рода заказы передавались как начальнику артиллерийской миссии, так и военному атташе или его помощнику, что вызывало большую путаницу. Более того, реакция французской стороны могла оказаться неожиданной: «Dans le courant de l'été, deux réponses opposées à la même demande concernant des canons de 42^{mm}» [Ibid.]⁹. Для решения проблемы Ланглуа предлагал организовать техническое бюро, начальник которого был бы облечен соответствующими полномочиями [Ibid.]

Кроме того, Ланглуа предлагал произвести коренную перестройку методов французской пропаганды в России, считая, что русские, по сути, ксенофобы, преувеличивающие значение своего оперативного театра, они испытывают безразличие к союзнику и в условиях дефицита французской прессы подвержены германской контрпропаганде [Ibid.]. Это было весьма актуальным в условиях появления «массового субъекта» [Ортега-и-Гассет], проявившего себя в военное время в виде массовых армий, в связи с чем возникла необходимость создания инструментов морально-психологического влияния на воинские контингенты, а также на мирное население. В годы Первой мировой войны пропаганда приобрела особое значение как инструмент формирования положительного образа союзника (и негативного – врага) и манипулирования общественным мнением. Проблема взаимодействия Франции и России в этом аспекте заключалась в недопонимании, вызванном недостаточной оценкой военных усилий обеих сторон, которая объяснялась спецификой театров военных действий. Это заставляло представителей французской миссии прилагать усилия по «разъяснению» настоящей роли Франции в войне, своевременно и точно информировать в прессе население России о ситуации на Западном фронте [SHD/T. 7 N 1547].

Жак Габриэль Ланглуа. 1932
Jacques-Gabriel Langlois. 1932

Репорты Ланглуа составлялись в двух экземплярах: для военного министра и для Верховного главнокомандующего, каждый внимательно прорабатывался Жоффром, о чем свидетельствуют его многочисленные карандашные пометы на полях документов и штампы «Vu: Joffre». Кроме того, Ланглуа в ходе личных встреч сообщал информацию о состоянии русской армии и настроениях в правительстве президенту Третьей Республики Раймону Пуанкаре

⁹ «В течение лета два противоположных ответа на один и тот же запрос относительно 42-линейных пушек».

[Пуанкаре, с. 297]. Однако главным результатом поездок офицера связи в Россию стала реализация практически всех изложенных им идей.

Взаимодействие французского командования с русским Генштабом осложнялось неприятием личности генерала По в Ставке [Mémoires, p. 178]. Сотрудник Второго бюро Пьер Паскаль, находясь в Генштабе в Шантийи, также отметил, что там он, «кроме кодирования и дешифровки, познал всю относительность идеи союзничества: перед русским военным атташе бравым полковником Игнатьевым, издавляя возвещавшим о себе звоном шпор, закрывались все досье» [Паскаль, с. 24]. Несмотря на то, что режим секретности был естественной практикой в любых вооруженных силах, логика коалиционного взаимодействия и опыт Первой мировой войны позволили говорить о переходе от принципов «старой дипломатии», основанных на национальном интересе и секретности как основных методах работы, к принципам «новой дипломатии», предполагавшим повышение уровня доверительности во взаимоотношениях партнеров по коалиции [Prost, Winter, p. 70–71]. Это подтолкнуло Жоффра к очередным кадровым перестановкам. Он принял решение заменить генерала По генералом Жаненом, пользовавшимся серьезным влиянием и уважением в русском штабе [Mémoires, p. 284]. Расчет строился на том, что военная карьера Жанена была связана с Россией: молодым офицером в 1890-е гг. он был направлен в Санкт-Петербург по заданию Второго бюро Генштаба Франции для изучения перспектив союза с Российской империей. В 1896 г. Жанен был адъютантом Николая II во время его визита во Францию [Noulens, p. 13–14]. 19 апреля 1916 г. Морис Жанен был назначен главой французской военной миссии и прибыл в русскую Ставку 25 мая 1916 г. [Janin, p. 39, 268]. К тому же в мае-июне того же года по состоянию здоровья генерал По уже фактически не мог исполнять свои обязанности; его возвращение во Францию было делом времени.

Оставался открытым вопрос о полномочиях его действующего помощника военного атташе маркиза де Лагиша, так как присутствие в русской Ставке трех генералов (Лагиша, По и Жанена) выглядело избыточным [SHD/T. 16 N 2961]. 18 мая Морис Палеолог направил в кабинет министров телеграмму, в которой деликатно выразил мнение о желательном отзыве Лагиша:

La situation dans laquelle le Général de Laguiche va se trouver par rapport au Général Janin (est) (très) pénible. <...> je verrais grand intérêt à ce que le Général de Laguiche fût envoyé en mission au Caucase sous le prétexte d'y porter les décorations que le Général Pau avait été chargé de remettre [SHD/T. 7 N 1545]¹⁰.

Военное министерство Франции подавало ситуацию следующим образом: дивизионный генерал де Лагиш займет пост атташе при рус-

¹⁰ «Положение, в котором генерал де Лагиш окажется по отношению к генералу Жанену, является весьма мучительным. <...> Я проявил большой интерес к тому, чтобы генерал Лагиш был направлен на Кавказ под предлогом доставки наград, вручать которые должен был генерал По».

ском императоре, генерал По останется главой французской военной миссии, генерал Жанен станет его помощником. Вместе с Жаненом отправлялся подполковник Лавернь как будущий военный атташе Франции в России [SHD/T. 17 N 750]. Однако этот вариант решения военного ведомства был датирован 15 апреля 1916 г., то есть до приказа о назначении Мориса Жанена главой миссии, о котором вплоть до 3 июня генерал де Лагиш, назначенный главой всего французского военного персонала «в зоне армий», не был осведомлен [SHD/T. 7 N 1545]. 4 июня 1916 г он был отозван во Францию, и равновесие во французском представительстве было восстановлено.

Таким образом, на протяжении длительного периода положение генерала Лагиша оставалось туманным. Однако вполне вероятно, что именно таким в рамках управленческой логики было осмысленное решение французского военного министерства: Жанен, безусловно осведомленный о предстоящей миссии, отбыл в Россию с полковником Лавернем, чтобы сменить генералов По и Лагиша, вместе с тем, в телеграмме военному министру а конце мая 1916 г. де Лагиш выразил отчетливое желание поскорее вернуться во Францию с оговоркой: «*Désirs de chef sont pour moi des orders si mon maintien Petrograd vous parait bon pour service. Je serais le premier à obéir...*»¹¹ [Ibid.]. Возможно, военное министерство Франции, чтобы не расхолаживать де Лагиша, намеренно до последнего момента не сообщало ему о принятом решении и отдало приказ отбыть во Францию после передачи дел новому начальнику.

Назначение Жанена и установление порядка строгой субординации в духе рекомендаций майора Ланглуа привели французскую военную миссию в качественно иное состояние. В 1916 г. французское представительство сформировало ядро системного единства – аппарат генерала Жанена, его военную миссию, обретшую черты централизованного механизма. Отныне деятельность главы миссии была направлена на реализацию следующих функций:

– *функция связи и стратегической координации* (обеспечивалась работой генерала Жанена в Могилеве, при Ставке верховного Главнокомандующего);

– *функция оперативно-тактической помощи* (обеспечивалась тремя-четырьмя офицерами, прикомандированными к каждому штабу фронта и армии, под общим руководством генерала Жанена);

– *функция технической помощи* (работа локальных военных и технических миссий на территории России; управлялась помощником Жанена военным атташе Лавернем);

– *функция пропаганды* (координировалась майором де Шевийи¹²) [Noulens, p. 15].

¹¹ «Желания начальства являются для меня приказами. Если мое присутствие в Петрограде кажется Вам благом для службы, я буду первым, кто повинуется».

¹² Граф Франсуа де Шевийи – выпускник Сен-Сира, сделавший карьеру в банковском деле, возвратился в строй из резерва с началом войны [Chevilly, p. 177]. В 1917 г. он стал руководителем комитета пропаганды в Санкт-Петербурге, учрежденном Альбером Тома [Sinanoglou, p. 94].

Состав миссии при этом был достаточно разношерстным: в него входили 150–200 человек разного происхождения и разных политических взглядов [Ibid.].

В декабре 1916 г. Жозеф Жоффр был отправлен в отставку в почетном звании маршала. Отсутствие идейного вдохновителя и такие последующие события как революция в России, политический курс Жоржа Клемансо, в рамках которого Россия уже не рассматривалась как полноправный союзник, привели к тому, что после 1916 г. идея коалиционного взаимодействия стала рассыпаться:

...notre coalition, en cette année 1917, dispersa de nouveau ses efforts, et manqué de payer au printemps 1918, par une catastrophe définitive, le retour aux errements de 1915 que je métais efforcé de modifier [Mémoires, p. 160]¹³.

Решение некоторых организационных вопросов, связанных с деятельностью миссии, было отложено вплоть до 1917 г. С 28 июня 1916 г. по июнь 1917 г. генерал Жанен неоднократно телеграфировал в Военное министерство, добиваясь уточнения его полномочий по отношению к многочисленному французскому военному персоналу в России [SHD/T. 7 N 1545]. Ответ последовал лишь в июле 1917 г.: согласно новому предписанию, все французские офицеры вне зависимости от длительности пребывания в стране подчинялись либо военному атташе, либо главе французской миссии. Полномочия главы миссии в отношении персонала соответствовали тем, что устанавливались для командиров подразделений в колониях и протекторатах и были прописаны в декрете президента Французской Республики от 4 апреля 1911 г. [SHD/T. 7 N 1545]. Таким образом, французское военное руководство запоздало завершило реорганизацию представительства в России и выстроило жесткую субординацию внутри миссии.

Если до реорганизации военного представительства в России каждый французский офицер понимал миссию прежде всего как личную задачу или как совокупность обязанностей, положенных ему по должности, то генерал Жанен ощущал себя ответственным за координацию и работу всех французских военных на территории союзной страны. Руководство миссии стало приобретать «антропологические черты», о чем красноречиво свидетельствует предписание Жанена ее офицерам от 13 марта 1917 г. Отныне на повестке дня стояла не только профессиональная компетентность сотрудников в рамках возложенных на них задач («добыть сведения», «составить мнение», «знать свой фронт», «координировать военные усилия»), но и умение наладить диалог с российскими военнослужащими. Жанен предписывал офицерам «вести себя не как в завоеванной стране, не как в гостях», но быть товарищами простыми, сердечными и сдержанными.

¹³ «...наша коалиция в том 1917 году вновь распылила свои усилия и чуть было не заплатила весной 1918 года окончательной катастрофой за возврат к ошибкам 1915 года, которые я стремился преодолеть».

ми, подавать пример усердной работы и достойной жизни. Он подчеркивал, что «русские охотно констатируют превосходство других, но не любят, когда им об этом напоминают», и, как следствие, чтобы добиться от них принятия каких-либо новшеств, русских нужно подвести к тому, чтобы они сами этого потребовали [SHD/Т. 17 N 574]. Появление подобных тенденций можно связать не только с процессом централизации миссии, но и с революционными событиями в России, со стремлением сохранить положительный опыт взаимоотношений двух стран.

Опыт реорганизации военного представительства Франции в России был затем применен в Румынии и в ходе реорганизации сербской армии на Корфу в 1916 г.

Несмотря на то, что в начале войны Сербия практически не представляла для Франции стратегического интереса, Церское и Колубарское сражения коренным образом изменили ситуацию – союзники высоко оценили потенциал сербских войск [Le Moal, p. 57], а «позиционный тупик» на Западном фронте придал Балканскому театру военных действий особый смысл с точки зрения периферийной стратегии. Первый опыт объединения разрозненных французских военных миссий в Сербии был осуществлен в период эвакуации сербской армии и союзных войск осенью 1915 г.: военный атташе Франции полковник Пьер Фурнье 18 ноября принял командование над всеми французскими силами на территории Сербии [Rapport du capitaine Vitrat, p. 64]. Кульминацией процесса стала реорганизация сербской армии в феврале 1916 г. в рамках военной миссии Франции на Корфу: она включала в себя снабжение военными материалами, создание новой организационной структуры армии и обучение сербских офицеров во Франции [SHD/Т. 17 N 695]. Французская военная миссия при сербской армии на Корфу представляла собой синтез военных и политических структур: ее глава генерал Пиаррон де Мондезир объединил под своим руководством авиационную, медицинскую, морскую, артиллерийскую службы [SHD/Т. 16 N 693], параллельно осуществляя функции дипломата (контакты с военными представителями союзных держав, с итальянскими властями, и т. д.).

Организация и деятельность французской военной миссии в Румынии подробно описаны Жаном Ноэлем Грандомом в монографии «Генерал Бертело и деятельность Франции в Румынии и Южной России (1916–1918)». Он отмечает, что для французской миссии в Румынии важными были две цели: во-первых, под благовидным предлогом поддержания связи с Восточной армией «опередить русских» в Румынии, и, во-вторых, управлять румынской армией [Grandhomme, p. 161]. Несмотря на то, что «русский фактор» был одним из существенных для французского присутствия, принципиальными моментами все же были логика коалиционной войны и стремление удержать союзника: генерал прибыл в Румынию осенью 1916 г., когда политическое руководство страны и армия были деморализованы по причине

неудачного наступления в Трансильвании. В телеграмме генералу По Лагиш высказывал следующие соображения по румынскому вопросу:

La séparation entre les théâtres d'opérations rendant impossible la liaison effective entre les Armées Russes et les Armées Franco-anglaises, le Roumanie devait et doit être élément vivifiant, aujourd'hui comme en 1877 [SHD/T. 7 N 762]¹⁴.

Генерал Бертело, в свою очередь, подчеркивал, что без румынской армии целостность Восточного фронта невозможна [Otu]. Организация французской военной миссии в Румынии осуществлялась по образцу и подобию миссии Жанена в России, о чем свидетельствует командировочное предписание генералу Бертело: в его обязанности входило представлять главнокомандующего Франции при румынском Генштабе, в его подчинение поступали все французские военные на территории Румынии, им же назначались офицеры, прикомандированные к румынской армии с целью инструктирования [SHD/T. 16 N 3016].

В 1915 г. Великая война «сменила ритм»: стало очевидно, что никакая держава Антанты не сможет добиться победы в одиночку. Вместе с тем, в зависимости от театра военных действий, изменилось и восприятие масштабов войны, ее темпоральности: Россия нуждалась в скорейшем «спасительном» начале французского наступления на Западном фронте, полагая Жоффра крайне медлительным; Великобритания, наоборот, стремилась отложить активные действия на Западе в силу приверженности иным стратегическим схемам [Cochet]. Все это требовало особой «архитектуры» коалиционной стратегии, необходимым условием которой стала централизация военных усилий как всех держав Антанты на стратегическом уровне, так и их иностранных представительств. В итоге организация и деятельность военных миссий стала одним из важнейших направлений французской военной мысли [Pénicault, p. 41], так как позволяла эффективно аккумулировать усилия для решения военных задач и впоследствии служить проводником политического влияния¹⁵.

Необходимость транслировать опыт технологических инноваций в рамках всеобщего «снарядного голода», организация службы связи в условиях тотальной войны и интенсификация информационного обмена, формирование общественного мнения, увеличение числа французских военных на территории Российской империи и возрас-

¹⁴ «Разобшенность оперативных театров делает невозможной эффективную связь между русскими и франко-английскими армиями, поэтому Румыния должна быть оживляющим элементом сегодня, как и в 1877 году».

¹⁵ В силу невозможности изменить стратегическую ситуацию на русском фронте и снизить накал социального протеста в стране Франция стремилась влиять на политическую ситуацию сообразно со своими интересами: в первой половине 1917 года – побуждая руководство страны продолжать войну против центральных держав, затем – принимая участие в вооруженной союзнической интервенции с использованием ресурсов т. н. «второй миссии Жанена».

тающая потребность в поставках военных материалов – все это требовало реорганизации французского представительства в России на качественно иных принципах. Тон задавали рапорты майора Ланглуа, обнажавшие недостатки в работе миссии и содержавшие комплекс необходимых решений для их устранения. А. Ю. Павлов приходит к выводу о том, что развитие французского сотрудничества с Россией привело к увеличению количества и разнообразия военных миссий [Павлов, с. 41]. На наш взгляд, правительство Третьей республики стремилось не столько к количественному, сколько к качественному наращиванию представительства в России, к созданию ядра системного единства, которым и стала французская военная миссия в 1916 г. Под руководством генерала Мориса Жанена миссия стала центром притяжения и координации французских военных усилий на территории России и была выстроена согласно принципам централизации и единоначалия.

Список литературы

- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М. : АСТ, 2008. 348 с.
- Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М. : МБА, Квадрига, 2013. С. 33–41.
- Паскаль П.* Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург : Гонзо, 2014. 591 с.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915—1916 : Воспоминания. Мемуары. М. : АСТ; Мн. : Харвест, 2002. 592 с.
- Chevilly, F. de //* Qui êtes-vous? Annuaire des contemporains. Notices biographiques : in 3 t. Paris : Maison G. Ruffly, 1924. T. 3. 816 p.
- Cochet F.* 6–8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme // *Revue historique des armées.* 2006. № 242 . URL: <http://rha.revues.org/4062> (mode of access: 15.05.2016).
- Doughty R. A.* Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War. Cambridge ; Massachusetts ; L. : Belknap press of Harvard univ. press, 2005. 378 p.
- Grandhomme J.-N.* Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918). Paris : Château de Vincennes, 1999. 1120 p.
- Greenhalgh E.* Victory through coalition : Britain and France during the First World War. Cambridge : Cambridge Univ. press, 2014. 296 p.
- Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015. 283 p.
- Joffre J.* Mémoires du maréchal Joffre, 1910—1917 : in 2 t. T. 2. Paris : Plon, 1932. 468 p.
- Le Moal F.* La Serbie: du martyr à la victoire 1914–1918. Paris : 14–18 Ed., 2008. 253 p.
- Le général Langlois, ancien commandant de la 10-e Région, est mort hier à Metz // *L'Ouest Éclair.* 1934. 25 juin.
- Mission navale française de Serbie // *Guerre 14/18 – Citations Marine.* Toulon : Les presses du midi, 2014. P. 163–166.
- Noulets R.* A la recherche d'une «belle et bonne alliance» : Le général Maurice Janin (1862–1946) et la Russie // *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015. P. 9–24.
- Otu P.* L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine // *Revue historique des armées.* 2006. № 244. URL: <http://rha.revues.org/5862> (mode of access: 01.05.2016).
- Pénicaut E.* Missions militaires françaises auprès de puissance alliées // *Archives de la Grande Guerre : Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Première Guerre mondiale.* Paris : Service historique de la Défense, 2014. P. 41–43.
- Prost A., Winter J.* Penser la Grande Guerre : Un essai d'historiographie. Paris : Éd. du Seuil, 2004. 344 p.

Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronatique militaire, sans date // La mémoire conservée du général Milan Rastislav Stefanik dans les archives du Service Historique de la Défense. Paris : SHD, 2008. P. 56–68.

Sinanoglou I. *Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1973. Vol. 14. P. 86–204.

SHD/T. 7 N 762, 7 N 1545, 7 N 1547, 7 N 1548, 16 N 2961, 16 N 3016, 17 N 574, 17 N 750, GR 16 N 693, GR 17 N 695.

References

Chevilly, F. de. (1924). In *Qui êtes-vous? Annuaire des contemporains. Notices biographiques : in 3 t.* T. 3. 816 p. Paris, Maison G. Ruffly.

Cochet, F. (2006). 6–8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme. In *Revue historique des armées*. № 242. URL: <http://rha.revues.org/4062> (mode of access: 15.05.2016).

Doughty, R. A. (2005). *Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War*. Cambridge, Massachusetts, 378 p. L., Belknap Press of Harvard Univ. Press.

Grandhomme, J.-N. (1999). *Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918)*. 1120 p. Paris, Château de Vincennes.

Greenhalgh, E. (2014). *Victory through Coalition : Britain and France during the First World War*. 296 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Janin, M. (2015). *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917)*. 283 p. Paris, L'Harmattan.

Joffre, J. (1932). *Mémoires du maréchal Joffre, 1910–1917*, in 2 t. 468 p. T. 2. Paris, Plon.

Le Moal, F. (2008). *La Serbie: du martyre à la victoire 1914–1918*. 253 p. Paris, 14–18 Ed.

Le général Langlois, ancien commandant de la 10e Région, est mort hier à Metz. In *L'Ouest Éclair*, 1934, 25 juin.

Mission navale française de Serbie. (2014). In *Guerre 14/18 – Citations Marine*. Toulon, Les presses du midi (pp. 163–166).

Noulens, R. (2015). À la recherche d'une «belle et bonne alliance». Le général Maurice Janin (1862–1946) et la Russie. In Janin M. *En mission dans la Russie en guerre 1916–1917*. (pp. 9–24). Paris, L'Harmattan.

Ortega y Gasset, J. (2008). *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. 348 p. Moscow, AST.

Otu, P. (2006). L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine. In *Revue historique des armées*. URL: <http://rha.revues.org/5862> (mode of access: 01.05.2016).

Pascal, P. (2014). *Russkiy dnevnik 1916–1918* [Russian diary 1916–1918]. 591 p. Yekaterinburg, Gonzo.

Pavlov, A. Yu. (2013). Frantsuzskie voennye missii v Rossii v period Pervoy mirovoy voyny [French Military Missions during the First World War]. In *Velikaya voyna 1914–1918*. Vol. 3, pp. 33–41.

Pénicaut, E. (2014). Missions militaires françaises auprès de puissances alliées. In *Archives de la Grande Guerre : Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Première Guerre mondiale*. Paris, Service historique de la Défense, pp. 41–43.

Prost, A., Winter, J. (2004). *Penser la Grande Guerre : Un essai d'historiographie*. Paris, Éd. du Seuil.

Poincaré, R. (2002). *Na sluzhbe Frantsii 1915–1916 : Vospominaniya. Memuary* [In Serving France. 1915–1916 : Memoirs]. 592 p. Moscow, Minsk, AST, Kharvest.

Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronatique militaire, sans date (2008). In *La mémoire conservée du général Milan Rastislav Stefanik dans les archives du Service Historique de la Défense*. Paris, SHD, pp. 56–68.

Sinanoglou, I. (1973). *Journal de Russie d'Albert Thomas*. In *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 14, pp. 86–204.

The article was submitted on 12.12.2015